

M.N. Sipyagina

CONCEPT AND MAIN STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF CRIMINAL SUBCULTURE IN RUSSIA

Maya Sipyagina – senior lecturer, the Department of Criminal Law, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, senior legal advisor of FKU IK-3 legal group, Administration of Federal Sentence-Implementation Service in St. Petersburg and Leningrad region, PhD in Law, Gatchina; **e-mail:** mayya12@yandex.ru.

We carry out a retrospective analysis of the origins and development of criminal subculture. The stages of its development are considered; we make a conclusion about the present state of criminal subculture and factors currently affecting its changes.

Keywords: *criminal subculture; repetition of offences; correctional institution; punishment; criminal contagion.*

М.Н. Сипягина

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Майя Николаевна Сипягина – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, старший юрисконсульт юридической группы ФКУ ИК-3 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат юридических наук, г. Гатчина; **e-mail:** mayya12@yandex.ru.

Статья посвящена историческому анализу возникновения и развития такого негативного социального явления, как преступная субкультура. Рассмотрены различные этапы ее формирования, сделан вывод о современном состоянии преступной субкультуры и факторах, влияющих на процесс ее изменения в настоящее время.

Ключевые слова: *преступная субкультура; рецидив преступлений; исправительное учреждение; наказание; криминальное заражение.*

Преступная, или тюремная субкультура – негативное социальное явление, порождающее разрыв взаимосвязи человека и общества, стимулирующее антиобщественное поведение и склонность к правонарушениям.

Под словом «культура» мы понимаем выработанную человеческой деятельностью систему духовных и моральных ценностей, которые включают все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопленный опыт, знания и умения. Субкультура – это та же система ценностей, однако свойственная лишь определенной части общества.

Таким образом, *преступная субкультура*

представляет собой систему духовных и моральных ценностей, отражающих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы.

Возникновение и существование преступной субкультуры обусловлено коллективной формой содержания осужденных, равных между собой по правовому положению, но неравных по социальному статусу.

Несмотря на замкнутость и во многом благодаря ей, преступная субкультура всегда вызывала интерес в обществе.

Под ее влиянием сформировался целый песенный жанр – блатной фольклор (известные исполнители: В. Высоцкий, М.

Круг, М. Шуфутинский, А. Северный и др.), снято несколько художественных фильмов («Беспредел», реж. И. Гостев, 1989 г., «Лошади в океане», реж. Н. Гусаров, 1989 г.), написаны известные художественные литературные произведения В. Шаламова, Д. Корецкого, В.С. Пикуля и др., а наносить татуировки на тело (что раньше было зачастую признаком приверженности к преступному миру) становится модным и доступным.

Тем не менее, развитие и популяризация традиций преступного мира способствует росту пенитенциарной, рецидивной и профессиональной преступности, дезорганизации деятельности исправительных учреждений, криминальному заражению осужденных.

В рамках современной уголовной политики, всецело направленной на исправление и ресоциализацию осужденных, их интеграцию в законопослушное общество, вопрос влияния преступной субкультуры в местах лишения свободы не теряет своего значения.

Принято выделять несколько этапов формирования преступной субкультуры: дореволюционный, который берет свое начало со времен царских каторг конца XIX – начала XX вв.; первые годы советской власти со времен революции 1917 г. и до системы сталинских лагерей (ГУЛАГ); постсталинская эпоха; хрущевские меры (1953–1970); постсоветский период (80-е годы – наши дни).

В действительности криминальная субкультура конца 80-х и настоящего времени настолько отлична, что целесообразно выделить в последнем периоде новый этап, который берет начало с конца первого десятилетия XXI в., когда в местах лишения свободы стал происходить глобальный перелом, выраженный в существенном возрастании роли администрации исправительных учреждений, так называемая переделка «черных зон» в «красные».

Дореволюционный период. Несмотря на то, что конец XIX в. характеризуется нестабильной политической обстановкой и широким распространением террористической деятельности представителями

радикально настроенных социалистических партий в дореволюционный период царской России, имущественные преступления по-прежнему составляют большую часть в структуре преступности (2/3). Кроме того, после отмены крепостного права в 1861 г. наблюдается их значительный рост, причем среди низших слоев населения [4], что объясняется отсутствием социальной адаптации крестьянства к новому правовому статусу. Известия о кражах, грабежах и разбоях, осуществляемых так называемыми «громиллами», не сходят с новостных лент газет 1905–1906 гг. [2]. Користная преступность в 1905 г. достигает такого уровня, что 13 ноября 1905 г. в Москве происходит митинг воров: собирается около 300 человек, которые проводят бурное собрание на тему распределения Москвы по участкам между воровскими шайками и компаниями [6].

Преступное сообщество делится тогда на несколько сословий. На верхней ступени иерархии – «Иваны»: хитрые, ловкие, имеющие богатый тюремный опыт старожилы преступного мира, представляли собой тюремную «аристократию». Другое название – «бродяги», так как именно с бродяжничества начиналась «преступная карьера» «Иванов». «Бродяги» постоянно меняли место жительства, документы, а при задержании всегда назывались Иванами Ивановыми. Это помогало скрыть рецидив и остаться неизвестными. Отсюда и название. Некоторые считают, что отсюда же пошло выражение «Иван, не помнящий родства». «Иванов» боится не только вся остальная масса арестантов, но и даже тюремная администрация.

Второе сословие – «храпы», которые возмущались по любому поводу, всего добивались нахрапом, неправильным, незаконным, несправедливым образом, получали удовольствие от затеянного ими конфликта и при этом уходили в тень.

Третье сословие – «жиганы». Это самая многоликая категория, в которую входили лица, допустившие нарушения «правил-заповедей», например, проигравшиеся в карты, мошенники, насильники.

Последнюю ступень арестантской иерархии занимала «шпанка» – бесправная, голодная, задавленная нуждой масса арестантов, состоявшая в основном из крестьян.

Конец эпохи четкой преступной иерархии приходится на период русских революций 1917 г. Нестабильная политическая, экономическая и социальная обстановка, период по сути безвластия, когда после февральской революции 1917 г. к власти пришло Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским, который объявил свою знаменитую, первую в истории России амнистию, и на свободе оказалось 90 тысяч матерых уголовников, воров и убийц. «Птенцы Керенского» разлетелись по всей стране, приобщая и распространяя преступный промысел в широкие слои населения. Колоссальный рост преступности стер четкие нормы и ценности преступного общества. Для молодых и отчаянных преступников они уже не имеют такого веса, как для сторожил преступного мира.

В первые годы советской власти в местах лишения свободы формально оставались все те же категории заключенных: «Иваны», «храпы», «жиганы», «шпанка», однако сейчас они растворились в массе преступников новой формации – «спекулянтов», «изменников революции», «контров». На развалинах страны творится бесчинство, беспредел и полный крах стабильности и законопорядка. В таких условиях навести порядок в местах заключения силами администрации практически невозможно, и жизнь в тюрьмах контролируется более опытными и опасными преступниками, занимающими лидирующие позиции.

Однако среди них тоже нет единства: противоречия возникают между целыми группировками осужденных. На верхушку преступной иерархии претендуют уже не только старые авторитеты, но и жиганы, которые пытаются создать новый свод воровских законов. По закону «новых» любой член сообщества не имел права служить в армии, работать, занимать общественные и иные должности. Между тем «жиганы» не смогли долгое время проти-

востоять «авторитетам». Будучи потомственными арестантами, «Иваны» были в чести у карманников, домушников, налетчиков и гопников, т.к. воровство – исконно уважаемый преступный промысел. Чуть позже уважаемого, «правильного» преступника назовут почтительно «вор», а всех остальных убийц, насильников и пр. – презрительно: «фраер». Именно тогда войдут в оборот словосочетания «воровской закон», «вор в законе», «воровское влияние», которые будут символизировать всю коренную преступную касту.

В 1925 г. учрежден Государственный институт по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР. 20–30-е годы – период, когда особое внимание уделялось изучению профессиональной преступности, института «воров в законе», анализу традиций преступного мира, преступной субкультуры. В те годы личность преступника и возможность его «заражения» уголовной романтикой стали учитываться при назначении исправительного учреждения, однако вскоре, вопреки лозунгам революции об окончательной победе над преступностью с приходом новой власти, число осужденных существенно возросло, и стало допускаться совместное размещение случайных преступников и особо опасных. Вскоре осужденных будет столько, что никакого дела не станет ни до их отдельного содержания, ни до криминального заражения, ни до исправления.

В 30-е годы маховик сталинских репрессий создал целый пласт бесплатной рабочей силы для колонизации отдаленных и неблагоприятных земель на всей территории Советского Союза. Однако поменялся состав осужденных. Если в 1929 г. процент политических преступников, так называемых «классово чуждых элементов» составлял 3–4%, то к 1931 г. уже 35%.

Сложилась четырехуровневая структура криминального сообщества. Высший уровень: «вор в законе» («козырный вор», «всесоюзный вор», «центровой вор», «пахан») – абсолютный «авторитет» («лидер»); средний: «обычный вор», «привычный вор» – «авторитет»; следующая после

«воров» группа называлась «мужики» (безобидные, хорошие работники), в которую входили «шпанка», «черти», «бесы», а также «жиганы», не принятые «авторитетами» в свою среду; нижний: «шестерки» («слуги») и прочие исполнители решений «воровского братства».

«Воровское» сообщество обязывало своих членов следить за порядком в лагере, устанавливая полную власть «воров». В противном случае они отвечали перед сходкой «авторитетов».

Возникновение строгих правил было обусловлено стремлением «воров» (6–7% в общей массе осужденных) окончательно подчинить своему влиянию преступников новой формации, не допустить в «блатной мир» случайных людей и расширить в местах лишения свободы круг заключенных, за счет которых можно было бы паразитировать. Эта своеобразная нормативно-целостная система защищала сообщество от развала, укрепляла устойчивость и сплоченность «воровских» группировок. Новые нормы существенно дополнили старые традиции и обычаи [1].

В исправительно-трудовых лагерях сохранились и привычные развлечения «арестантов», язык-жаргон, обычай присваивать клички. Обязанностью всех заключенных оставалось соблюдение «правил-заповедей» (не выдавать преступных действий и не помогать правоохранительным органам, не проигрывать лишнее в карты, не задавать лишних вопросов, не становиться гомосексуалистом). Ряды «мужиков» значительно пополнились в период раскулачивания. Бывшие крестьяне не были приняты «истинными арестантами» за своих, т.к. никто из них ранее не принадлежал к потомственным «ворам», а их «преступная деятельность» не имела ничего общего с «образцами». Однако несмотря на то, что данная категория лиц не играла видной роли в преступном мире, в условиях, когда основное внимание уделялось производству и строительству, а труд стал обязательным для всех, когда на административно-хозяйственных, инженерно-технических и иных должностях использовались заключенные, «воры» не могли не приблизить к себе «мужиков».

«Блатари» хорошо понимали, что можно не работать, но получать благодарности, высокий паек, зачеты только исключительно за счет работяг-«мужиков». Когда «воры» не могли находиться в составе бригад (из-за дисциплинарных взысканий, болезней), «добросовестно трудящийся контингент» передавал часть заработанных средств в «воровскую кассу» по заранее установленным нормам.

Со своей стороны, «хранители» не давали «мужиков» в обиду другим, поэтому «мужики» считали «блатарей» носителями лагерной правды, услуживали «ворам», подражали им в поведении, безропотно платили «налоги» [5].

В 30-е годы вся лагерная жизнь, продиктованная политикой «перековки трудом», подчинилась вновь сформированному и окрепшему единому «воровскому закону», который никто не осмеливался нарушить. Такая ситуация сохранилась вплоть до 1941 г.

В начале Великой Отечественной войны из мест лишения свободы было досрочно освобождено около 25% от общего числа осужденных для отправки на фронт. В 1942–1943 гг. по специальным решениям Государственного комитета обороны были освобождены еще 10% заключенных. Сформировалась знаменитая «армия Рокоссовского».

Однако вскоре оказалось, что некогда герои войн и не думают после прекращать своей «преступной карьеры». Напротив, война укрепила в них наглость, бесчеловечность, на убийство они стали смотреть еще легче, еще проще, чем до войны.

Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью. Новые Указы 1947 г. «Об охране социалистической собственности» и «Об охране личного имущества граждан» устанавливали даже за незначительную кражу, за которую вор раньше расплачивался несколькими месяцами заключения, теперь наказание в виде 20 лет лишения свободы.

Лагеря стали быстро наполняться спецконтингентом. Согласно принятым воровским обычаям, вор не должен работать. По старым коротким срокам заключения исполнить этот запрет довольно

просто, в крайнем случае, можно пересидеть в карцере или лагерном изоляторе. Однако Указ 1947 г., предусматривающий длительные сроки заключения, поставил перед «преступным миром» серьезные задачи.

Кроме того, стали прибывать осужденные после войны воры. «Военщина» – такое они получили название впоследствии. Старый преступный мир не принял их в свои ряды, несмотря на то, что среди вернувшихся было много важных персон уголовного мира. Не могут интересы уважаемого вора совпадать с государственными.

Крупные блатари, «вожди военщины», были оскорблены. Они испытали тяготы войны, пришли героями, кроме того многие шли на фронт под угрозой расстрела. Но сдавать свои позиции никто не думал. Вожди военщины объявили новый воровской закон. Это произошло в 1948 г. на пересылке в бухте Ванино и положило начало тяжелейшему этапу в истории пенитенциарной системы – «сучьей войне», которая продлится почти десятилетие до 1956 г. Лидером нового воровского движения стал криминальный авторитет по кличке Король: властный, жестокий, умный лидер. Ему удалось даже договориться с лагерной администрацией, и последняя закрывала глаза на «чистку» в рядах осужденных. Ведь все это делалось в целях повышения числа трудящихся, а значит в целях знаменитой перековки.

Адептов старого воровского закона вычисляли (в основном по татуировкам), обращали в новую воровскую веру, а в случае отказа крайне жестоко убивали, показательно демонстрируя это остальным. Вскоре число убитых стало непомерно высоким. Выходило так, что начальство, помещая вместе блатных и «сук», сознательно подвергает тех или других смертельной опасности. Распоряжения о невмешательстве были вскоре отменены и повсюду созданы отдельные, особые зоны – для «сук» и для воров «в законе».

Название «суки», хоть и неточно отражающее существо дела и терминологически неверное, привилось сразу. Как ни

пытались вожди нового закона протестовать против обидной клички, удачного, подходящего слова не нашлось, и под этим названием они вошли в официальную переписку, и очень скоро и сами они стали себя называть «суками» [8].

В результате стремления некоторых осужденных не работать, а вести паразитический образ жизни они начинают применять насилие к представителям наиболее распространенной категории – мужикам. Это приводит к тому, что в местах лишения свободы появляется новая прослойка осужденных – «обиженные», «опущенные», «девки».

Постсталинский этап (1953–1960). Хрущевские меры. После смерти Сталина объявлена крупномасштабная амнистия: из 2 млн осужденных на свободе оказалось почти половина. Совершенствовались режим содержания, строго регламентировался распорядок в ИТК, бригады стали отрядами, введен безналичный расчет с заключенными. Все труднее становилось соблюдать уголовные традиции и обычаи. По инициативе Н.С. Хрущева началась активная борьба с «ворами в законе». Известным явлением той эпохи стало публичное отречение известных воров от воровских традиций и обычаев. Такие расписки, добытые порой жестоким насильственным методом, публиковались в прессе. Для воров в законе была отведена специальная колония – «Белый лебедь», условия содержания в которой были настолько суровы, что многие из них не выдерживали и соглашались отречься от преступного мира. Кроме того, снова после отмены 1947 г. стала применяться смертная казнь.

К середине 60-х годов существенно изменилась структура «воровских» группировок. «Воры» объединялись с «фраерами» и ранее, но к власти их не допускали никогда. Это было связано с тем, что число «воров в законе» к началу 60-х годов резко сократилось и сообщество нуждалось в пополнении. «Фраера» прекрасно понимали, что «блатарь» без поддержки ничего не может.

Кроме того, среди арестантов стало очень цениться умение «шпилять» (играть

в карты). А это удел фраеров. Среди них было много хороших игроков. Карточная игра стала новым способом вовлечения в зависимость проигравших осужденных.

С изменением структуры арестантов меняется и воровской закон, нормы становятся мягче: «вору» разрешается теперь иметь дом и семью, работать и даже вступать в контакт с администрацией. Однако по-прежнему запрещалось усиленно трудиться на благо государства, служить в армии, быть членом актива и освобождаться условно-досрочно.

Постсоветский этап (80-е годы и по настоящее время). Падение нравственности в обществе в постсоветский период способствовало росту профессиональной и организованной преступности. Ее представители распространяли в колонии и тюрьме свои воззрения на возможное и запретное. Теперь звание «вора» можно было купить. Сначала сведения о подобных случаях поступали из южных районов, наиболее пораженных коррупцией и протекционизмом, затем из других регионов страны. Раньше «вор» считался хранителем традиций сообщества. Каково же было удивление и разочарование преступников, проведенных в заключении десятилетия, получивших новые сроки за принципиальные по тюремным понятиям поступки, когда представители профессиональной и организованной преступности «новой волны» ради досрочного освобождения не гнушались любыми средствами, даже сотрудничеством с администрацией.

На конец XX в. в местах лишения свободы по-прежнему зоны делятся на «красные» (основная часть спецконтингента – актив) и «черные» (главенство за «блатными»). По-прежнему существует разделение на «масти», по-прежнему чтят воровской закон, хоть он уже и не так суров, как был раньше.

Однако, как мы уже писали ранее, целесообразно выделить новый этап, который берет свое начало на заре второго десятилетия XXI в. и продолжается до настоящего времени.

Этому этапу свойственна потеря былой значимости преступной субкультуры.

Из ее отдельных элементов сохранилось разве что классовое разделение осужденных внутри группы. Однако по сравнению со старым воровским законом и это разделение играет не столь значимую роль в жизни арестантов. Те функции, которые прежде выполняла преступная субкультура, теряют свое значение под влиянием усиления вмешательства общества и администрации в жизнь осужденных. Разумеется, этому находят свои объяснения, причины, факторы.

Вступление России в Совет Европы и, как следствие, существенная гуманизация условий содержания осужденных, высвобождение переполненных исправительных учреждений, резкий спад численности новых осужденных за счет развития института освобождения от уголовной ответственности, формальное снижение уровня преступности и, соответственно, осужденных в целом, развитие институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким видом, внесение поправок в действующее законодательство в части зачета времени содержания лица под стражей до вступления в законную силу приговора суда в срок наказания усилили интенсивный процесс разделения осужденных на впервые осужденных и ранее отбывавших наказание, инициированный Концепцией Уголовно-исполнительной системы 2010 г. и вновь принятая Концепция 2021 г., направленные на совершенствование уголовно-исполнительной системы в области защиты прав осужденных и их исправления, повышения качества воспитательной и психологической работы, недопущения экстремизма, развития системы пробации и ресоциализации, повышения открытости уголовно-исполнительной системы, распространения применения наказания в виде принудительных работ.

Признание по сути преступной субкультуры элементом экстремизма в 2020 г. (движение А.У.Е.) повлекло правовые последствия в виде административной и уголовной ответственности за ее распространение.

Следует признать снижение значения преступной субкультуры одним из поло-

жительных последствий развития уголовно-исполнительной системы в последние годы и одним из факторов, способствующих снижению профессиональной и рецидивной преступности в российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимков В.М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В.М. Анисимков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 202 с..

2. Новости дня от 20 октября 1905 г. – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=11&y=1905> (дата обращения: 26.01.2022).

3. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А.Н. Олейник. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 416 с.

4. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России: мо-

нография / С.С. Остроумов. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 204 с.

5. *Пикуль В.С.* Каторга: роман / В.С. Пикуль. – М.: Современник, 1993.

6. Русское слово от 13 ноября (31 октября) 1905 г. – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=11&y=1905> (дата обращения: 26.01.2022).

7. *Сипягина М.Н.* К 20-летию вступления России в Совет Европы. Пенитенциарная система Российской Федерации: проблемы и перспективы / М.Н. Сипягина // Новеллы права и политики – 2018: сб. науч. трудов по материалам Международ. науч.-практ. конф. (г. Гатчина, 30 ноября 2018 г.). – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2019. – С. 228–234.

8. *Шаламов В.Т.* Очерки преступного мира: очерки, рассказы / В.Т. Шаламов. – М.: Эксмо, 2009. – 571 с.